

ор 84
Г 72

СТИННЫЙ ДВОР

№ 11

Оренбургская клубника — история, судьбы, надежды

№ 11

ГОСТИНЫЙ
ДВОР

ор84
Г42

84/2 Рос = Рче) 6 я 43

Литературно-художественный и общественно-политический альманах
Издаётся с 1995 года

+ 0 р 0

а-267890
с/12/16

Оренбургское книжное издательство
2001

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Галина Матвиевская

«Загадочное произведение природы»

Галина Павловна Матвиевская родилась в Днепрпетровске, росла в Оренбурге. Окончила математико-механический факультет Ленинградского университета, работала в Ленинграде и Ташкенте. Доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии наук Узбекистана, действительный член Международной академии истории наук, профессор кафедры алгебры. Оренбургского государственного педагогического университета.

О б Оренбургском пуховом платке сложены стихи и песни, повести и рассказы, о нём произнесено немало восторженных речей, написаны сотни научных исследований и искусствоведческих статей, судьбой пуховязального промысла озабочены историки и краеведы, художники и экономисты, специалисты сельского хозяйства.

Однако и раньше этот промысел, которому в Оренбургском крае насчитывается уже не одно столетие, привлекал к себе не меньшие внимания. Ещё в XVIII в. знаменитый оренбуржец, первый член-корреспондент Петербургской Академии наук П. И. Рычков посвятил ему статьи «Опыт о козьей шерсти» и «Дополнение о козьей шерсти».

В начале XIX в. замечательные свойства козьего пуха привлекли иностранных предпринимателей. Закупленный в Оренбургском крае, пух вывозился для переработки во Францию, а оттуда изготовленные из него «кашмирские шали» поставлялись обратно в Россию и ценились чрезвычайно высоко.

Между тем в Оренбургском крае пуховязальный промысел продолжал развиваться, и мастерство местных вязальщиц восхищало всех, кто с ним знакомился. Так, известный военный геодезист И. Ф. Бларамберг, прослуживший в Оренбурге много лет, писал, вспоминая о своей первой поездке по Южному Уралу (в 1841 г.): «На почтовых станциях я встречал молодых казачьих девушек и женщин, которые в длинные осенние и зимние вечера допоздна вязали из тонкой козьей шерсти великолепные платки,

иногда лёгкие, как паутинка, различных рисунков и всех размеров; платки эти в России, а особенно за границей очень высоко ценятся и дорого стоят».

В 1854 г. в Петербурге вышла книга «Записки проезжего», автор которой, П. И. Небольсин, совершивший путешествие по Оренбургскому краю, рассказывал, что заезжего человека торговцы одолевают «прелестными вязаными в узор дамскими платками из кашмирского пуха, т. е. из пуха обыкновенных степных киргизских коз». Чтобы показать, сколь высоко искусство оренбургских мастериц, он приводил пример: «Мне случилось видеть, между прочим, один такой платок. Величина его была около квадратной сажени и при всём том весу в нём было всего 13 ? золотников; по своей тонине он легко мог быть продет сквозь обыкновенный перстень».

О самом пухе оренбургских коз Небольсин писал: «Пух этот в старые годы огромными тками вывозился из Оренбурга в Ростов; там его перекупали оптовые торговцы и отправляли в Лемберг, а из Лемберга товар этот уже шёл во Францию, откуда возвращался обратно к нам, в Москву и Петербург, в виде превосходных кашмирских платков и шалей, которыми теперь снабжают нас московские фабрики. Мы здесь, в Петербурге, недорого платим за пуховые платочки, косыночки, чулки, дамские пальто и прочие изделия, приобретаемые нами за иностранные; а этот, именующийся иностранным, товар выделяется у нас же, в России и, если не ошибаюсь, преимущественно в Тамбовской губернии и потом в земле Оренбургского казачьего войска, на Оренбургской линии, на пространстве от Оренбурга до Орской крепости. Там некоторые из этих изделий приготавливаются казачками и распродают по комиссиям в самом Оренбурге».

Небольсин обратил внимание и на состояние (по его мнению, незавидное) оренбургского пуховязального промысла в то время. «Нельзя сказать, – писал он, – чтоб промышленность эта процветала; напротив, по рассказам здешних ста-

рожилов, она видимо клонится к упадку. Причина та, что правильной торговли этими изделиями нет; определённых заказов здешние мастерицы не получают; технических усовершенствований в вязаньи не придумано, а за плохим сбытом и промышленность эта, несмотря на давность своего существования, не приобрела в столицах и больших городах общезвестности. Если случится в Петербурге приобрести, по случаю, роскошный с виду, нежный на ощупь пуховый платок, то, разумеется, мы платим вчетверо и впятеро дороже, чем этот платок в самом деле стоит на месте».

Не вызывает сомнения, что Небольсин, проявивший значительную осведомлённость относительно оренбургского пуховязального промысла, почерпнул сведения из источников, специально освещавших этот вопрос. Очень возможно, что он основывался на опубликованной двумя десятилетиями раньше статье «О козьем пухе» В. И. Даля, работы которого об Оренбургском крае ему были хорошо известны. Это явствует, например, из того, что другую свою книгу («Уральцы») Небольсин посвятил именно Владимиру Ивановичу Далю.

Прожив в Оренбурге восемь лет (1833–1841), В. И. Даль всесторонне изучил жизнь края и отразил её не только в литературных произведениях, но и в трудах научного характера. Из них следует, что пуховязальный промысел и его проблемы занимали учёного самым серьёзным образом. Одна из его статей на эту тему – «О козьем пухе» – была помещена в 1835 г. в девятом томе знаменитой смирдинской «Библиотеки для чтения» – журнале словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», – в том самом, где в разделе «словестность» мы встречаем «Песни западных славян» и «Сказку о золотом петушке» А. С. Пушкина, стихи И. Козлова, М. Венедиктова, П. Ершова, А. Майкова и «Сказку о нужде, о счастии и о правде» Казака Луганского, то есть самого В.И. Даля, обычно этим псевдонимом подписывающего свои литературные произведения. А под его же

статьей «О козьем пухе», которая находится в разделе, отведённом промышленности и сельскому хозяйству, он подписался иначе: «Доктор Даль».

Приводим её текст полностью, прежде всего потому, что с 1835 г. она никогда не публиковалась и даже не упоминается в списках его сочинений. Кроме того, статья показывает, насколько неполны наши представления о В. И. Дале, удивительно разностороннем человеке, который большинству из нас известен только лишь как автор «Толкового словаря живого великорусского языка». Наконец, эта статья даёт пример глубокого исследования о пуховязальном промысле, его истории, проблемах и перспективах, что весьма актуально и для наших дней.

О козьем пухе

Хочу сказать несколько слов о козьем пухе, — об этом загадочном и достойном замечания произведении природы, которое, по месту жительства моего и по дружбе одного из просвещённых владельцев здешнего края, сделалось мне достаточно известным, чтобы говорить не наобум, а основываясь на неоспоримых данных, на многолетних опытах. Загадочным назвал я произведение это потому, что об нём много бредили и бредят поныне: говорили, писали, печатали такие вещи, которым здесь, на месте, смеётся всякий казак и мещанин, меняя у киргизов или собирая с домашних коз зимнюю их оболочку. Но и казак и мещанин или безграмотны, или им не до грамоты. Сто лет сидим мы около Оренбурга, собираем и продаём козий пух, — дело идёт своим чередом, — сотни людей наживаются выгодным ремеслом этим, — а земляки наши, соседних губерний, говорят о козьем пухе, как о златых перьях райской птицы, глаголемой *сирин*; и заморских земель немцы гнут, как говорится, чуху неоколесную, докапываются, доискиваются учёными изысканиями, — а ларчик просто отпирается!

Драгоценность, незаменимость козьего пуху известны почти всякому и не подлежат сомнению: из него только можно выделывать восточные шали, из него только русские платки или шали, не уступающие первым. Итак, важнее всего вопрос, — нельзя ли расплодить и размножить в Европе животное, дающее запасы на эту неподражаемую ткань, и наперёд всего,

разумеется, у нас, в России? Но для этого должно исследовать предварительно, что такое этот козий пух, и какое именно животное даёт его.

Самое обыкновенное и ... распространившееся мнение состоит в том, что козий пух идёт от особой породы коз, — какой-то тибетской или кашмирской, и что, следовательно, должно стараться вывезти и расплодить у себя эту породу.

Тибет действительно богат козым, тончайшим пухом, — богаче всех известных стран, а по соседству, в Кашмире, делают лучшие восточные шали. Итак, мнение это казалось бы, не без оснований.

Между множеством статей и сочинений, вышедших за границу об этом предмете, должно упомянуть о небольшой книжке, изданной в 1824 г. Фрейдбергом. Он говорит, вкратце, следующее. Не подлежит сомнению, что животные и растения могут быть переносимы с места на место и приурочиваемы к странам, им доселе не свойственным. Первый, но неудачный опыт переселения тибетских коз, ради пуха их, в Европу, сделан англичанами; но козы не перенесли тропического климата Бенгалии и моря. Французы Жобер и Терно произвели это с успехом, избрав путь не через Ост-Индию, а через Россию, где климат более свойствен животным этим; но учёные и неучёные заспорили, тибетские ли это козы, которых вывез Жобер, или кашмирские, или татарские? Между тем, попытки Жобера увенчались совершенным успехом, говорит сочинитель: часть коз дала пух, ничем

не уступающий тибетскому; козы ещё размножились, и вот их описание: длинные висячие уши; несколько поднятый хвост; прямые рога; туловище более обыкновенного; шерсть чрезвычайно бела, но иногда бывает и серая; козлёнок растёт скорее обыкновенного, и легко делается ручным. И простые козы дают пух, продолжает Г. Фрейдберг: но пух меньшей доброты, а происшедшие от смешения простых коз с тибетскими дают пух совершенно одинаковый с последними. Доставка козьего пуха через Россию обходится весьма дорого, итак, надобно обзавестись своими тибетскими козами. Порода эта водится в Тибете, на высоких снежных горах, на холоду; кормится бедным злаком твёрдой почвы. Тибетские козы бывают разных цветов, — и вот их приметы: уши то стоячие, то повислые; рога прямые; а как уже доказано, что козы Тибета могут водиться и у нас в Европе, и именно во Франции, то и нет ни малейшего сомнения, что мы можем и должны, говорит сочинитель, в самом скором времени сделаться, в отношении тканья дорогих шалей, опасными соперниками кашмирцев. Затем следует ещё глава о болезнях тибетских коз, объявление о том, что император Австрийский выписал и получил несколько таких животных, а швейцарец Вольвар продаёт их по сту и ступятидесяти гульденов за голову, — и вот, в сокращении, всё, что написал Г. Фрейдберг, прибавив к этому ещё изображение тибетской козы, ни сколько не похожей на описание его: на изображении этом хвостик повислый; уши длиннейшие, ослиные, стоячие; на шее серёжки; а рога прямые, длинные и, — чего спокон веку не видать и не слышать было на козлах и козах, — витые, как у баснословного единорога. Сочинитель беспрестанно сам себе противоречит, как видно даже из приведённых слов его, — говорит... о такой вещи, о которой он ни какого точного, ясного понятия не имеет. Впрочем, чего пенять на одного за грехи и заблуждения целого поколения? Никто, и даже сами гг. Жобер и Терно не знали настоящего положения дела: иначе они не стали бы вводить себя

попустому в издержки, которые им выписные их козы едва ли вознаградил, если не способствовала этому уже одна слава о тибетских козах у Терно, и потом продажа большей части их с молотка.

Дело в том: тибетских коз, правда, и мы здесь не выдвигали; но они, как единогласно утверждают приходящие сюда азиатцы, ничем не отличаются от коз здешних, — чему вполне поверить должно, сравнивая пух тамошних и здешних коз... Здешние же козы во всём почти подобны обыкновенным русским, домашним козам: всё, что допустить можно, так это то, что здешние козы составляют не вид, не род, а разве небольшое отродие, как донская, киргизская или горская лошадь суть отродие общей породы конской. Рога у коз здешних имеют обыкновенно несколько меньшую кривизну и взаимно их сближающий погиб; переносе более впалое чем прямое, нижняя губа немного отвислая, шерсть немного гуще, длиннее обыкновенного, — и вот отчего туловище может казаться великим. Нет никакого сомнения в том, что это та же общеизвестная, дворовая коза, которая, в здешней холодной полосе, проводя строгую зиму в бурной степи на подножном корму, покрывается на зиму всемогуществом благодетельной матери-природы: тонким, густым и тёплым подшёрстком, известным у нас под именем козьего пуха. Впрочем, все приметы, кроме длинной, густой шерсти и пуху, случайны, несущественны и иногда даже едва заметны. Но в Малороссии, особенно в степных местах, козы дают небольшое количество мягкого, как лебяжий пух, подшёрстка, но не в таком количестве, а может быть и не того качества, как здешние, хотя последнее ещё и не решено.

Из этого надобно вывести... такое заключение: вместо того, чтобы отправлять отселе, со значительными издержками, коз в отдалённые страны, полезнее было бы присылать сколько можно более коз, хоть бы и французских подданных, сюда: здесь следующее поколение их уподобится уже во всём коренным здешним козам и оденется пухом, тогда как вывезенные

отселе козы теряют его вскоре сами, – а о потомках их и говорить нечего, – и, утратив однажды пух свой, вполне уподобляются новым соотечественникам своим. Так верблюды, в Киргизских степях, покрываются на зиму пухом, которого, например, на верблюдах крымских почти вовсе не бывает. Так русский, испанский или любого иного отродия, баран, завезённый на здешние степи, в короткое время получает курдюк, то есть, огромный нарост сала и толстую, никуда не годную шерсть, под которою появляется также тонкий и густой подшёрсток, который назвать должно *овечим пухом*; и тот же баран теряет опять то и другое, будучи вывезен на другую почву и под другое небо. Сказанное подтверждено здесь многолетним опытом; но, когда угодно, могу привести и письменные доказательства. Н. Нефедьев, в «Сведениях о Волжских Калмыках», говорит между прочим: «Один из Астраханских жителей, занимающийся скотоводством, выписал было сюда овец из внутренних губерний, для того, чтобы иметь от них хорошую шерсть; но овцы эти в одно лето потеряли достоинство шерсти, и, что удивительнее, сверх обыкновенных хвостов, получили курдюки».

Дело, кажется, подтверждается и на Востоке. Этого рода коз, под свойственной им полосой Тибета, держат во множестве; а в соседнем Кашмире, которого местоположение и почва вероятно не соответствуют известным условиям, коз для пуху не разводят, хотя кашмир, собственно есть родина и колыбель лучших восточных шалей, и кашмирыцы даже особым откупом приобрели исключительное право покупки козьего пуху у жителей Тибета. Впрочем, известно и то, хоть бы на пример из путешествия Ильфинстона, что кашмирыцы пользуются козьим пухом не из одного Тибета, но также из так называемой независимой Татарии, попросту из Бухарских владений, с которыми граничит степь кайсаков наших. Там высокое гористое положение, а здесь открытые, холодные степи имеют одинаковое влияние на вещественное преобразова-

ние шестопроизводных органов животного.

Между тем, излишне будет объяснить и обстоятельство относительно упоминаемого господином сочинителем вышеприведённой книжицы спора о породе вывезенных г. Жобер и Терно во Францию коз.

Сочинитель говорит ясно, что французы эти вывезли коз тибетских через северную Персию, Кавказ и через Россию. В номер 79 «Санктпетербургских Ведомостей», 1823, было сказано, что Жобер и Терно получили коз своих прямо из Персии. Это опять дело другое, – но как сейчас увидим, не менее того несправедливо. Далее в газете этой говорится: ещё в 1814 году привёз г. Шарль Боден несколько тибетского козьего пуху, морем из Калькуты; сравнил его с козьим пухом, получаемым во Франции через Россию, и нашёл, что это было совершенно одно и то же. Козий пух, доставляемый за границу через Россию, по тогдашним сведениям французов, идёт из северной Персии и Средней Азии; основываясь на этих слухах, г. Терно, известный фабрикант-художник, решился выписать персидских коз, и поручил дело бывшему французскому агенту в Персии, г. Жоберу, знавшему обычаи и языки восточных народов. Г. Жобер прибыл в Россию, <где> на Кавказ, весьма много обязан тогдашнему начальнику того края, генералу Ермолову, за разные пособия его, собрал за Кавказом, как говорит газета, несмотря на большие затруднения, до шести сот коз, из которых пять сот сорок благополучно достигли берегов Волги. В 1829 году козы эти прибыли на двух судах в Тулон и Марсель, отколе развезены в разные места Франции, где они удачно расплодились.

Здесь, прежде всего, заметить должно, что козий пух, идущий через Россию за границу, вывозится не из Персии, а собственно из России, именно с Оренбургской Линии; а самая малая часть его также из Астраханской губернии, от киргизов Букеевских и волжских калмыков. Кроме того, говорят, небольшое количество его вычёсывается и за Кавказом, –

где именно, не знаю. На Линии, и более всего в Уральске и в Оренбурге, можно wymienять у киргизов ежегодно до десяти тысяч пудов неочищенного от шерсти пуха; в этом виде товар идёт на Нижегородскую ярмарку, оттоле в Ростов (Ярославский), где их и отделяют, очищают, посылают в Москву и продают французам, — а они везут его, сухим путём, через Лемберг, во Францию.

Надобно знать ещё и то, каким образом пух здесь собирается. Одевшаяся на зиму тёплой и мягкой шубой коза, весною разоблачается: в жаркое лето тулуп не находка. Тогда дикари при-Линейные собирают отваливающуюся ключьями шерсть или сдирают её руками, и несут на меновые дворы. Иногда, и это водится особенно в Уральске, получают они от купцов наших задатки наперёд, и доставляют, по уговору, товар прямо к ним. Впрочем, никто здесь коз, собственно для пуху, не держит, а в глубине степи пух этот продаётся вместе с шерстью, без всякого употребления, если не понадобится киргизкам свалить из неё кошму. Козы содержатся здесь только вместе с овцами, и служат им на каждом шагу жожаками: коза бойчее и смелее овцы, и идёт, куда её гонят; овцы же одни, нередко, сбившись в кучу, становятся как вкопал, и нейдут с места. Пуд такой шерсти даёт до 25 фунтов пуху; за очистку платят до 30 рублей за пуд; две трети целого количества обыкновенно состоят из белой шерсти, остальная треть из серой или сивой. Бабы разбирают для очистки шерсть по домам, и легко очищают по фунту на день. С 1812 года по 1824, в двенадцать лет, цена на козий пух здесь поднялась было с 16 до 48 рублей за пуд; очищенный пух в Москве платился уже от 170 до 220 рублей за пуд, а там, по причине застоя в торговле, вдруг понизилась цена почти до половины. Причина этому кажется ещё вот такая: начали было подмешивать козьего пуху в тонкорунную овечью шерсть, для прикрасы, но оказалось, что сукно, получая, правда, лучший вид и лоск, теряет в прочности; по этому, мало-помалу, употребление пуха опять уменьшилось. В последние десять

лет цены опять немного поднялись, и нынче платят за пуд сурового, неочищенного пуху 55 рублей. Очищенного здесь в продаже не бывает.

Ещё одно обстоятельство для нас непонятно: в упомянутой газетной статье сказано, что двести сорок коз, из числа добытых г. Жобером за Кавказом, были чистой породы, а триста состояли из помеси. Это что такое? Какая чистая порода, и какая помесь? Разве козы были не тамошние, а привозные? Всё это трудно понять. И об этой газетной статье, кажется, нельзя молвить не греша, что сочинитель не был достаточно знаком с предметом, — за что, впрочем, также пенять нельзя: никто, по-видимому, не знал настоящего положения дела. Мы расскажем по-своему.

В 1831 году прибыл сюда, в Оренбург, один из комиссионеров г. Терно, и следовательно, сотрудник г. Жобера, и рассказывал нижеследующее: г. Терно добыл, с чрезмерными издержками, из Калькуты, настоящего тибетского козьего пуху, а в 1814 году, при занятии союзными войсками Парижа, узнал от русских офицеров, что тот же пух имеется и в России. Вследствие этого, обратился он к комиссионеру своему в Москву, и получил от него за сходнейшую, но всё ещё довольно высокую цену, несколько козьего пуху, под названием тибетского. На следующий год узнал он, г. Терно, от вступивших вторично в Париж русских, что пух этот есть произведение юго-восточной России; но верных сведений получить не мог и решился искать пути к тибетским козам через Кавказ: погрешность простительная, если мы рассудим, какое понятие французы обыкновенно имеют о нашем отечестве и о географии. И так, он отправил комиссионера своего, г. Жобера, бывшего с Наполеоном в Египте, на Кавказ. Г. Жобер благополучно достиг Грузии, нашёл гостеприимство, ласковый приём, — но козьего пуху не нашёл. Здесь он узнал однако ж, случайно, где его искать должно; отправился в Сарепту, и купил там у калмыков, а более у Букеевских киргизов, тысячу триста коз; пригнал их поздно

осенью в Таганрог, не нашёл там судна, принужден был гнать их далее, по словам Г. Фрёниля, — так, кажется, звали Оренбургского комиссионера г. Терно, — в Крым, и наконец, зимою, нагрузил и отправил, оставшихся от тысячи трёх сот, шесть сот коз во Францию. Около двух сот погибло ещё морем, сотни четыре прибыли на место.

Вот рассказ г. Фрёниля! Итак, нет никакого сомнения, что вывезенные г. Терно козы, гораздо приличнее могли бы быть названы русскими степными козами, или, если угодно, калмыцкими и киргизскими, — но только во всяком случае не тибетскими, ни же персидскими; равно как и зверь или животное г. Фрейдберга, с витузками на голове, ни к селу, ни к городу, назван «козю Тибета».

Слава о французских платках, затмевающих красоту восточных, смолкла; козы распроданы в разные руки, и нет, кажется, никакого сомнения в том, что опыт г. Терно, приносящий ему, впрочем, много чести, был удачен относительно к благополучной доставке не тибетских, а степных русских коз во Францию, но не удовлетворил надежд просвещённого промышленника в рассуждении выгод торговых; то есть, что козы наши, малопомалу, во всёмо уподобились козам Франции и утратили, под умеренною полосой, драгоценный подшёрсток свой. Очевидец рассказывал нам, что на Парижской выставке были платки г. Терно, и подле них стояла живая белая коза, которую провозглашали тибетскою, чесали тут же на выставке и показывали с ловкостью, свойственной этому народу, вычесанные гребнем ключочки пуху. Вся проделка эта доказывает, что пуху в коже осталось уже весьма немного, и что всё дело вертелось тут только около того, чтобы удивить французский народ тибетским пухом. Когда чесать козу гребнем, то каждая даст вам немного пуху; но это не может составить предмета промышленности.

В самой вещи, бросим взгляд на всю шубо- и шёрсто-носную природу, закон один: полуденные, четвероногие обитатели земли нашей носят шерсть грубую,

чёрствую, в которой вы не найдёте тонкой ости, и под которою вовсе нет пуху; чем далее на север, тем длиннее, пушистее меха, мягче, гуще и богаче пухом. Тот же самый зверок бывает годен и негоден на прихотливое употребление наше, смотря потому, где он водится: белка в Германии та же, что белка в России, — в этом согласны все естествоиспытатели, — но какое сравнение, зимняя шубка той или другой! Может быть, некоторые из читателей помнят пару живых соболей, которых возили по России вместе с другими зверями: они даже и зимою не походили на соболей; реденькая шерсть покрывала зверка, а пуху почти вовсе под ней не было; хозяин, указывая на них, сам обращал на это внимание зрителей, и объяснял дело весьма просто, тем, что они прогуливались уже несколько лет по полуденной Европе, и что сидят и нынче всегда в тепле. Неизлишне здесь заметить ещё и относительную разность между климатами запада и востока: это почти то же, что юг и север. Параллель Оренбурга пролегает через всю средину Пруссии, — но великая разность в климатах, там и здесь!

Итак, покончим и порешим дело вот чем: нет пользы и нет нужды выписывать, плодить и разводить пуховых коз на местах, где сама природа отказывает им в этой драгоценной одежде; они переродятся всегда, и в самое скорое время; одно только можно посоветовать хозяевам, пытающимся извлечь от коз пуху: должно помнить, что в Тибете вода нередко покрывается в июле месяце ледяною корою, почти на полдюйма толщины, и что в Оренбургских степях всю зиму дуют жесткие бураны, при 20 и 30 градусах морозу, — и следовательно, должно держать козу во всю зиму не на конюшне, и вообще не под кровлей, а на воздухе, на холоде и на ветру; выгонять её круглый год; пасти, быть может, не в кустах, не в лугах, а по сухим возвышенностям. Тогда она даст вероятно пуху несколько более обыкновенного. Это имеет ещё и ту выгоду, что козы, роняя весною шерсть и пух в больших лоскутах, не целяются за кустарни-

ки и не теряют шерсти даром. Чем, при таких обстоятельствах, прилагают менее искусственной заботы и попечения об этом животном, тем отношения его будут ближе к козам Тибета, степей Киргизских и Астраханских.

Но важнее и полезнее всего было бы обратить более внимания на торговлю этою статьею, — козьим пухом, — в тех местах, где сама тороватая и своенравная природа его производит в изобилии. Доставка, в сравнении с ценою, богатого изделия не может быть значительною. Не нужно возить пух этот сухим путём, через всю Европу; его можно доставлять по Волге в Питер и грузить на суда. Должно сознаться, что французы и англичане извлекли бы более нашего пользы, если бы у них подле боку росло и водилось то же, что у нас. Здесь, в Оренбурге, торговля вообще идёт какими-то чудными и непонятными путями, и трудно добиться правды и толку. На сало обращают довольно внимания: это без больших хлопот даёт обыкновенно, на худой конец, сто на сто; тут меняют у киргизов баранов на табак да на муку, приправленную золицей, песочком и известкою, — а кубовая краска и хлопчатая бумага, шёлк и все богатства Восточной Индии, для нас доселе недосыгаемы. Караваны возят к нам, правда, немного бумаги, но всё же не могла она доселе вытеснить или заменить английской. Более всего возят кошмы, армяки, выбойку и готовые халаты, — толстые, простые халаты, в которые одеваются жители Оренбургской Линии от Звериноголовской до самого Гурьева, на протяжении почти двух тысяч вёрст. Неужели и своих, домашних, нельзя бы одеть в халаты своего изделия?

Впрочем, ещё слово: едва ли когда выделка драгоценных платков или шалей, таких, какие делаются в Кашмире и какие делаются у г-жи Колокольцовой, может обратиться у нас в общую ветвь промышленности. Кажется, это несбыточно. Один

кашмирец, который несколько лет тому назад проезжал через Оренбург, отправляясь обратно из Петербурга домой, рассказывал здесь вот что: «Я, — говорил он, — работал дома двадцать лет драгоценные шали, сидел день и ночь, утратил здоровье за работой, но часто бывал голоден; мы все там работаем тысячные шали почти за один только хлеб насущный, — более никто работнику не даст. Теперь я побыл несколько лет в столице вашей и благословляю судьбу свою: штопаньем и починкою старых шалей составил я себе независимое состояние, и еду домой. У нас это вещь неслыханная: доколе работаешь, сыт будешь, а более ничего».

Разберём слова кашмирца. Вы знаете, что порядочная шаль работается по несколько лет сряду; что за нею сидят три или четыре работника или работницы. Положите каждому малую плату, ту же что и доброму фабричному, ткачу, — рублей сорок в месяц, включая туда и содержание, и всё. Положите трёх работников на два только года, — и выходит, что шаль, не включая материалов, станет вам под 3000 рублей. А спросите, так услышите ещё, что в два или даже три года хорошей шали нельзя сделать; что работнику надобно заплатить больше; что пух, краски, машины — дороги. Судите же теперь, можно ли работать шали? Другое дело помещику нашему, который и без того кормит дворню шести колен с предками и потомками: то есть, у кого работники не наёмные. А иначе, кажется, шали наши наведут с дешёвого на дорогое. Остаётся или делать только десятитысячные шали, или заменить, по-английски, людей рычагами да колёсами: тогда, если выделка через это не потерпит, тогда, может быть, пойдёт дело на лад. Знаю, что будут спорить со мною, скажут: не надо нам рычагов, у нас ещё рук довольно; но я, в ответ, подведу итог в три, четыре тысячи рублей, и вы должны сознаться, что работа не окупается.

Доктор Даль